Научная статья

УДК 94(470)"1941/1945":316.334.56

ЭВАКУИРОВАННЫЕ В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ: АДАПТАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА, 1941-1945 ГГ.

Суржко Антон Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск, silverpoint@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется комплекс проблем, связанных с вынужденной миграцией и повседневными практиками обустройства перемещенных лиц в тыловых регионах СССР в период Великой Отечественной войны. На материалах Свердловской и Молотовской областей реконструируются механизмы социокультурной адаптации эвакуированного населения и качественной трансформации городского пространства. Эмпирическую базу составили протоколы заседаний местных исполкомов, делопроизводство эвакопунктов, эго-документы (дневники, частная переписка) и оперативные сводки правоохранительных органов, отражающие уровень бытовой напряженности. С применением сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов доказывается, что процесс адаптации носил нелинейный характер, представляя собой динамичное переплетение жестких государственных директив и стихийных стратегий выживания. Особое внимание уделено острому жилищному кризису, вынужденному «уплотнению» жилой площади и стихийному строительству временных поселений, которые впоследствии повлияли на послевоенное развитие городов. Выявлены особенности трудовой интеграции различных социальных групп - от женщин и подростков, заменявших ушедших на фронт мужчин, до эвакуированной научной интеллигенции, присутствие которой способствовало развитию научной и культурной среды в тыловых регионах. Делается вывод о том, что экстремальные условия военного времени, обострив первоначальные бытовые

конфликты, в перспективе сформировали новые формы социальной солидарности и заложили фундамент долгосрочных демографических, урбанистических и культурных сдвигов в макрорегионах Урала и Поволжья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация населения, советский тыл, социокультурная адаптация, трансформация городского пространства, история повседневности, жилищный кризис, трудовая интеграция, Свердловская область, Молотовская область.

Original article

EVACUEES IN THE SOVIET REAR: ADAPTATION AND TRANSFORMATION OF URBAN SPACE, 1941–1945

Surzhko Anton Valerevich, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, silverpoint@yandex.ru

Abstract. This article examines the complex problems associated with forced migration and the everyday practices of resettling displaced persons in the rear regions of the USSR during the Great Patriotic War. Using materials from the Sverdlovsk and Molotov regions, it reconstructs the mechanisms of sociocultural adaptation of the evacuated population and the qualitative transformation of urban space. The empirical base consists of minutes of local executive committee meetings, records of evacuation centers, ego documents (diaries, private correspondence), and law enforcement reports reflecting the level of everyday tension. Using comparative historical and problem-chronological methods, it is demonstrated that the adaptation process was nonlinear, representing a dynamic interplay of strict state directives and spontaneous survival strategies. Particular attention is paid to the analysis of the acute housing crisis, forced practices of "densification," and the spontaneous construction of temporary settlements, which subsequently determined the vector of post-war urbanization. The specifics of labor integration across various social strata are revealed: from women and adolescents serving at the front to evacuated scientific intellectuals, whose presence

stimulated the intellectual modernization of the provincial environment. It is concluded that the extreme conditions of wartime, while exacerbating initial domestic conflicts, ultimately shaped new forms of social solidarity and laid the foundation for long-term demographic, urban, and cultural shifts in the Ural and Volga macroregions.

Keywords: The Great Patriotic War, evacuation of the population, the Soviet rear, sociocultural adaptation, transformation of urban space, history of everyday life, housing crisis, labor integration, Sverdlovsk Oblast, Molotov Oblast.

Введение. Великая Отечественная война ознаменовалась беспрецедентным по своим масштабам перемещением производительных сил и гражданского населения на восток страны. Традиционно в отечественной историографии этот процесс рассматривался преимущественно через призму административно-хозяйственных решений, где основное внимание уделялось роли Государственного Комитета Обороны и Совета по эвакуации в спасении промышленного потенциала СССР [1], [2]. Однако за показателями перебазирования заводов стояли масштабные демографические и социальные потрясения. Перемещение более 17 миллионов человек в экстремальных условиях наступающего фронта представляло собой масштабную вынужденную миграцию, коренным образом изменившую социальный ландшафт тыловых регионов [3], [4].

Как показывают современные исследования, в том числе работы, опирающиеся на ранее закрытые архивные фонды, начальный этап эвакуации характеризовался нехваткой утвержденных планов и организационной растерянностью на местах. Отсутствие четких инструкций в первые недели после 22 июня 1941 года порождало хаос, панику и стихийное бегство населения. Руководство в приграничных и прифронтовых зонах оказывалось перед выбором: строгое исполнение директив о «выжженной земле» вступало в противоречие с необходимостью спасти жизни тех, кто физически не успевал покинуть опасные районы. Этот разрыв между централизованными

предписаниями и реальной практикой на периферии стал отправной точкой для формирования новых, зачастую импровизированных механизмов выживания, где решения принимались под давлением обстоятельств [5].

В последние десятилетия исследовательская парадигма претерпела существенные изменения. Если ранее историки уделяли основное внимание макроэкономическим показателям и эффективности работы отраслевых наркоматов, то в настоящее время внимание исследователей смещается к истории повседневности, социальным практикам и эмоциональному опыту участников событий. Изучение того, как миллионы людей, вынужденно покинувших привычную среду, обустраивали быт в новых климатических и культурных условиях, позволяет по-новому взглянуть на жизнь советского тыла. Современные исследования убедительно доказывают, что тыл представлял собой активное, динамично развивающееся пространство, где происходила сложная и болезненная социокультурная адаптация миллионов беженцев и эвакуированных [6].

Интенсивный приток нового населения трансформировал городское пространство уральских, сибирских и среднеазиатских регионов. Резкий демографический скачок мгновенно обострил жилищный кризис, вынуждая местные власти уплотнять жилую площадь и размещать людей в совершенно неприспособленных помещениях. Социальная структура принимающих городов становилась крайне неоднородной: в тесном соседстве оказывались столичная интеллигенция, квалифицированные рабочие оборонных заводов, ослабленные блокадники Ленинграда и сельские жители, спасавшиеся от оккупации [7]. Подобное смешение порождало как острые бытовые конфликты и взаимное непонимание, так и новые, неожиданные формы социальной солидарности. Индустриальная модернизация тыла, достигнутая за счет слияния эвакуированных и местных предприятий, парадоксальным образом сочеталась с архаизацией повседневного уклада, где натуральное хозяйство, огородничество и бартер зачастую вытесняли денежные отношения.

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью комплексного осмысления механизмов социокультурной адаптации в условиях тотального кризиса. Изучение взаимодействия государственной системы распределения ограниченных ресурсов, идеологической работы, локальных инициатив и индивидуальных стратегий выживания позволяет лучше понять факторы устойчивости советского общества. Данная статья ставит своей целью проанализировать трансформацию городской среды и социальные стратегии эвакуированного населения в тыловых регионах в период с 1941 по 1945 год, опираясь на широкий круг архивных материалов и современные историографические подходы, смещающие акцент с институциональной истории на человеческое измерение войны.

Обзор литературы. В историографии эвакуации в годы Великой Отечественной войны исследовательский акцент постепенно сместился с макроэкономических и административных аспектов на историю повседневности [8], [9]. В зарубежных исследованиях, в частности в работе С. Либерамана, акцент традиционно делался на экстраординарных формах управления, созданных Государственным Комитетом Обороны (ГКО) и Советом по эвакуации, которые обеспечили беспрецедентную по масштабам переброску промышленности. Однако такой подход зачастую оставлял за рамками человеческого измерения этого процесса [10].

Существенный сдвиг в исследовательской парадигме обозначился в трудах В. Голдман и Д. Филцера, рассматривающих советский тыл как самостоятельный «тыловой фронт». Их анализ повседневных практик выживания, распределения продовольствия и неформальной экономики показал, что адаптация миллионов людей происходила в условиях острого дефицита ресурсов и постоянного напряжения. В отечественной науке фундаментальное значение имеет монография М.Н. Потемкиной, впервые комплексно исследовавшая демографические и социальные процессы на Урале. Автор убедительно доказала, что регион принял около 40,3% всех эвакуированных в РСФСР, что

изменило социальный ландшафт городов.

Несмотря на наличие этих работ, сохраняется потребность в сравнительном анализе конкретных городских центров, поскольку взаимосвязь жилищных проблем, трудовой мобилизации и культурных изменений изучена фрагментарно [11]. Данная статья восполняет этот пробел, сопоставляя опыт Свердловска и Молотова (ныне Пермь) как ключевых узлов эвакуационной системы.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили комплексы документов, позволяющие реконструировать повседневные практики адаптации. Основу источниковой базы составляют протоколы заседаний исполкомов Свердловского и Молотовского городских Советов депутатов трудящихся, отражающие механизмы принятия решений на местах. Значительный массив сведений извлечен из фондов эвакопунктов и отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения, содержащих отчеты о размещении людей и распределении пайков.

Для понимания субъективного опыта эвакуированных привлекаются эго-документы: дневники и письма, хранящиеся в личных фондах региональных архивов. Особую группу источников формируют сводки милиции и прокуратуры о состоянии преступности, спекуляции и бытовых конфликтах, что позволяет оценить уровень социальной напряженности.

В работе применен сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное в процессах урбанизации тыла. Проблемно-хронологический подход позволил проследить динамику адаптационных стратегий от хаотичного прибытия первых эшелонов в 1941 году до относительно стабильного функционирования тыловых систем к 1943-1944 годам. Количественный анализ использован для обработки демографических показателей и данных жилищного фонда [12].

Результаты исследования. Прибытие огромного количества людей в условиях, когда тыловые города уже испытывали довоенный дефицит жилья (в

среднем 4,9 кв. м на человека), спровоцировало жилищный кризис. Местные власти были вынуждены применять экстренные меры. Основной практикой стало «уплотнение»: в одну квартиру вселяли несколько семей, часто незнакомых друг другу, с разными культурными кодами и бытовыми привычками [13].

Архивные данные свидетельствуют о резком росте конфликтов на бытовой почве. Протоколы милиции фиксируют жалобы на порчу имущества, кражи продуктов и шум, однако за этими фактами скрывалась борьба за выживание. Нехватка площадей привела к массовому строительству бараков и землянок, особенно в промышленных зонах, где предприятия расширялись за счет прилегающих территорий (таблица 1).

Таблица 1 - Половозрастной состав эвакуированного населения и жилищная нагрузка (на примере данных на 1942-1943 гг.)

Показатель	Свердловская область (городское население)	Молотовская область (включая сельские районы)
Доля мужчин среди эвакуированных, %	27,3	10,6 (в сельских районах)
Доля женщин среди эвакуированных, %	41,2	39,0
Доля детей среди эвакуированных, %	31,5	50,4
Преобладающий тип расселения	Уплотнение в квартирах, общежитиях при заводах	Подселение в крестьянские избы, бараки
Характер бытовых конфликтов	Конфликты из-за нормы жилплощади и отопления	Конфликты из-за использования приусадебных участков и скота

Источник: разработано автором.

Высокая доля детей и женщин в Молотовской области обуславливала специфику конфликтов, связанных с ведением натурального хозяйства. В Свердловске как крупном индустриальном центре значительно возросла нагрузка на коммунальную инфраструктуру, что порождало конфликты между «столичными» эвакуированными и местными жителями, привыкшими к иным нормам общежития.

Включение эвакуированных в производственный процесс во многом происходило в рамках принудительной мобилизации, однако со временем

сопровождалось взаимной адаптацией работников и принимающей среды. Женщины и подростки, составлявшие большинство среди прибывших, массово замещали ушедших на фронт мужчин у станков. Источники указывают на серьезные трудности: отсутствие профессиональных навыков, физическое истощение и суровые климатические условия [14-16].

Особую категорию составляла научно-техническая интеллигенция, прибывшая с институтами и КБ. Их интеграция проходила легче в материальном плане (закрытые распределители, отдельные пайки), но сопровождалась культурным отчуждением. Эвакогоспитали играли двойную роль: с одной стороны, они были центрами борьбы с эпидемиями, в том числе с сыпным тифом и дизентерией, с другой - становились важными центрами медицинской и социальной жизни, где концентрировались квалифицированные медицинские кадры из числа эвакуированных специалистов (таблица 2).

Таблица 2 - Категории эвакуированного населения и специфика их трудовой адаптации

Категория эвакуированных	Основные сферы трудоустройства	Ключевые адаптационные вызовы	Меры государственной поддержки
Квалифицированные рабочие с заводами	Металлургия, машиностроение, ВПК	Слом технологических цепочек, нехватка инструментов	Прикрепление к заводским столовым, предоставление общежитий
Женщины и подростки (неорганизованный поток)	Легкая промышленность, сельское хозяйство, подсобные работы	Физическая перегрузка, отсутствие квалификации, высокая текучесть кадров	Создание курсов ускоренного обучения (ФЗУ), детские сады при предприятиях
Научная и творческая интеллигенция	НИИ, конструкторские бюро, театры, вузы	Бытовая неустроенность, необходимость сохранения научного потенциала	Выделение дополнительных пайков, создание спецстоловых, жилищные ордера

Источник: разработано автором.

Таблица 2 показывает неравномерность государственной поддержки различных групп эвакуированных. Государство, руководствуясь утилитарными

задачами военного времени, обеспечивало приоритетную поддержку тем группам, которые непосредственно влияли на выпуск оборонной продукции или сохранение управленческого потенциала. Это порождало скрытое социальное расслоение, фиксируемое в доносах и жалобах рабочих на «необоснованные привилегии» инженеров [15].

Взаимодействие столичной интеллигенции с местным населением носило противоречивый характер. С одной стороны, источники фиксируют случаи бытового антисемитизма и ксенофобии, подпитываемые дефицитом и скученностью. С другой стороны, именно культурные институты стали мощным фактором консолидации. Эвакуированные театры (например, театры из Ленинграда и Москвы, размещенные на Урале) не только давали психологическую разгрузку, но и повышали культурный уровень провинциальных городов, вовлекая местных жителей в новые формы досуга.

Совместная работа в цехах и борьба с последствиями бомбежек нивелировали первоначальное отчуждение. Формировались новые локальные идентичности, где статус «коренного» жителя постепенно уступал место статусу «труженика тыла», независимо от места происхождения [17].

Обсуждение результатов исследования. Проведенный анализ позволяет утверждать, что социокультурная адаптация эвакуированного населения не была линейным или управляемым сверху процессом. Она представляла собой сложное переплетение государственных директив и стихийных стратегий выживания.

Сравнение Свердловска и Молотова показывает, что масштаб трансформации городского пространства напрямую зависел от индустриального профиля региона. В Свердловске объединение эвакуированных и местных предприятий способствовало значительному технологическому развитию, но одновременно привело к резкому обострению жилищного кризиса. В Молотовской области, с ее более выраженным аграрным сектором, адаптация шла через включение эвакуированных в колхозную систему, что порождало иные типы конфликтов, связанные с распределением продовольствия и

земельных наделов.

Материалы милиции о спекуляции и кражах, часто трактуемые в ранней историографии исключительно как уголовные преступления, при ближайшем рассмотрении оказываются индикаторами кризиса распределительной системы. Как отмечают В. Голдман и Д. Филцер, неформальные практики, включая «черный рынок», частично компенсировали ограничения жесткой государственной системы распределения ресурсов и помогали наиболее уязвимым слоям населения выживать.

Роль эвакогоспиталей и культурных учреждений выходит за рамки их прямого назначения. Они стали институтами социализации, смягчавшими культурный шок. Пребывание в тылу, задуманное как временная мера, на практике привело к необратимым демографическим и урбанистическим сдвигам. Значительная часть эвакуированных не вернулась после войны в места прежнего жительства, закрепившись на Урале и сформировав новый социальный слой высококвалифицированных специалистов, определивших развитие региона в послевоенные десятилетия.

Таким образом, трансформация городского пространства в 1941-1945 гг. носила не только количественный, связанный с ростом населения, но и качественный характер и заложила основы современной социальной и культурной инфраструктуры уральских городов.

Выводы. Анализ процессов вынужденной миграции и повседневных практик обустройства перемещенных лиц на востоке страны позволяет констатировать, что масштабное перебазирование производительных сил и гражданского населения выступило не просто временной антикризисной мерой, а ключевым фактором необратимых пространственных сдвигов. Урал и Поволжье, принявшие значительную часть эвакуированных предприятий и населения, за несколько военных лет пережили резкое ускорение модернизационных процессов, которые в мирных условиях заняли бы десятилетия. Стихийно формировавшиеся, а затем упорядочиваемые

государством потоки переселенцев радикально изменили соотношение городского и сельского населения в этих макро-регионах. Именно в этот период были заложены основы ведущей роли этих регионов в послевоенном индустриальном и городском развитии, что укрепило значение востока страны как самостоятельного экономического и демографического центра.

Пространственная структура тыловых городов существенно изменилась вследствие резкого притока населения. Острый жилищный кризис, последствия которого местные исполкомы пытались смягчить за счет массового строительства бараков, землянок и временных щитовых поселков, впоследствии повлиял на развитие послевоенного градостроительства. Многие из наспех выстроенных рабочих поселков при эвакуированных заводах со временем интегрировались в городскую черту, превратившись в полноценные микрорайоны Свердловска, Молотова, Куйбышева и Казани. Сращивание привезенных производственных мощностей с местной промышленной базой потребовало прокладки новых транспортных артерий, расширения энергетических сетей и создания социальной инфраструктуры. Эта вынужденная урбанизация происходила неравномерно и во многом стихийно, однако существенно повлияла на архитектурно-планировочный облик уральских и волжских индустриальных центров.

Не менее глубокие изменения претерпел интеллектуальный ландшафт восточных территорий. Прибытие в восточные регионы эвакуированных ученых, инженеров, театральных деятелей, преподавателей вузов и других представителей интеллигенции из столицы и европейской части страны создало условия для интенсивного межкультурного взаимодействия. Эвакуированные академические институты и творческие коллективы не только продолжали работу в тылу, но и активно участвовали в просветительской деятельности, способствуя развитию провинциальной научной и культурной среды. Открытие новых филиалов Академии наук, создание театральных студий и университетских кафедр обеспечило кумулятивный эффект: регионы, ранее

воспринимавшиеся преимущественно как сырьевые придатки, обрели собственную мощную научно-образовательную базу. Этот интеллектуальный трансфер смягчил резкие границы между центром и периферией, внедрив в повседневную жизнь тыловых городов новые культурные практики и эстетические запросы.

Судьбы самих перемещенных лиц также опровергают тезис об исключительно временном характере их пребывания в эвакуации. Затянувшийся процесс реэвакуации, а также разрушение довоенной инфраструктуры на западе страны привели к тому, что значительная часть прибывших на Урал и в Поволжье специалистов, рабочих и их семей осела на новых местах навсегда. Формирование этой специфической социальной группы, обладавшей высоким профессиональным капиталом, но укорененной в новых реалиях, создало уникальный сплав местных традиций и привнесенных столичных привычек. В конечном счете, трагический опыт вынужденного переселения и тяжелейшие бытовые лишения военных лет трансформировались в долгосрочный фактор региональной идентичности. Наследие эвакуации сохраняется в современной планировке городов, размещении научных центров и социокультурных особенностях населения восточных регионов России, свидетельствуя о долгосрочном влиянии военных событий на историческую географию страны.

Список литературы

1. Алексеева Л. В. Эвакуированное население в Ханты-Мансийском округе в годы Великой Отечественной войны // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2024. № 2. С. 63–69. DOI: 10.19110/1994-5655-2024-2-63-69.
2. Belsky N. Evacuee Encounters on the Soviet Home Front During the Second World War. London; New York: Routledge, 2024. 224 p.
3. Пьянков С. А., Сушков А. В. Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны: от проектов к реализации // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 435–455. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455.

4. Eisenberg L. ‘I became an Uzbek’: Jewish-Uzbek encounters in World War Two evacuation // Central Asian Survey. 2025. Vol. 44. No. 2. P. 225–243. DOI: 10.1080/02634937.2024.2348696.

5. Курятников В. Н. На перекрестке мнений: Куйбышев в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. № 3. С. 63–71. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-63-71.

6. Ronell A. P. The Soviet Wartime Evacuation to Central Asia and the Jews: Cultural Encounters and Literary Responses // Jewish Communities in Modern Asia: Their Rise, Demise and Resurgence / ed. R. Kowner. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 47–65. DOI: 10.1017/9781009162609.005.

7. Нечаев М. Г. Эвакуация предприятий в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Технологос. 2024. № 2. С. 35–50. DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.2.03.

8. Davis V. Central Asia in World War Two: The Impact and Legacy of Fighting for the Soviet Union. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 408 p. ISBN 978-1-350-37229-0.

9. Кошкина О. А., Васенин Д. В. Авиационный завод в Марийской АССР в 1941–1944 годах: проблемы эвакуации, размещения и производства // Вестник Чувашского университета. 2024. № 1. С. 48–59. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-1-48-59.

10. Abdurakhmanova M. Социальная жизнь эвакуированного населения в Узбекской ССР в годы войны // Общество и инновации / Society and Innovations. 2025. Т. 6. № 2. С. 139–146. DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss2-pp139-146.

11. Стародубцев Е. Ю., Ермолаев А. Н. Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 3. С. 429–440. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-429-440.

12. Adler E. R. Surviving in the Soviet Union // The Cambridge History of the

Holocaust / ed. M. Kaplan, N. Aleksiun. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 249–264. DOI: 10.1017/9781108900447.018.

13. Потемкина М. Н. Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941–1942 гг.: проблемы и результаты // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 62–70. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-62-70.

14. Linets S. I. Interaction of Local Authorities and the Population of the Stavropol Territory in Providing Assistance to Citizens Evacuated to the Territory in 1941–1942: Problems and Ways to Solve Them // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2025. Vol. 30. No. 5. P. 118–127. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.5.9.

15. Чуриков А. В. Реэвакуация промышленных кадров на Южном Урале (1945–1948) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2025. Т. 35. № 3. С. 541–548. DOI: 10.35634/2412-9534-2025-35-3-541-548.

16. Tashkhudjaev M. V. The Children and Children's Homes Evacuated to Andijan, Namangan and Fergana Regions During World War Two // Texas Journal of Multidisciplinary Studies. 2024. Vol. 36. P. 1–4. DOI: 10.62480/tjms.2024.vol36.5509.pp1-4.

17. Oblomuradov N. K. Evacuation Processes in Uzbekistan During the Second World War: Historical Experience, Social Adaptation, and Humanitarian Factors // Sciental Journal of Education Humanities and Social Sciences. 2026. Vol. 4. No. 6. P. 5–15. DOI: 10.62536/sjehss.2026.v4.i6.pp5-15.

References

1. Alekseeva L. V. Evakuirovannoe naselenie v Khanty-Mansiiskom okruge v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. 2024. № 2. S. 63–69. DOI: 10.19110/1994-5655-2024-2-63-69.

2. Belsky N. Evacuee Encounters on the Soviet Home Front During the Second World War. London; New York: Routledge, 2024. 224 p.

3. P'yankov S. A., Sushkov A. V. Evakuatsiya Moskovskogo avtomobil'nogo zavoda imeni Stalina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: ot proektov k realizatsii //

Nauchnyi dialog. 2024. T. 13. № 6. S. 435–455. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455.

4. Eisenberg L. ‘I became an Uzbek’: Jewish-Uzbek encounters in World War Two evacuation // Central Asian Survey. 2025. Vol. 44. No. 2. P. 225–243. DOI: 10.1080/02634937.2024.2348696.

5. Kuryatnikov V. N. Na perekrestke mnenii: Kuibyshev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1943 gg.) // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2024. T. 30. № 3. S. 63–71. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-63-71.

6. Ronell A. P. The Soviet Wartime Evacuation to Central Asia and the Jews: Cultural Encounters and Literary Responses // Jewish Communities in Modern Asia: Their Rise, Demise and Resurgence / ed. R. Kowner. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 47–65. DOI: 10.1017/9781009162609.005.

7. Nechaev M. G. Evakuatsiya predpriyatii v gorod Molotov (Perm') vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny // Tekhnologos. 2024. № 2. S. 35–50. DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.2.03.

8. Davis V. Central Asia in World War Two: The Impact and Legacy of Fighting for the Soviet Union. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 408 p. ISBN 978-1-350-37229-0.

9. Koshkina O. A., Vasenin D. V. Aviatsionnyi zavod v Mariiskoi ASSR v 1941–1944 godakh: problemy evakuatsii, razmeshcheniya i proizvodstva // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2024. № 1. S. 48–59. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-1-48-59.

10. Abdurakhmanova M. Cotsial'naya zhizn' evakuirovannogo naseleniya v Uzbekskoi SSR v gody voiny // Obshchestvo i innovatsii / Society and Innovations. 2025. T. 6. № 2. S. 139–146. DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss2-pp139-146.

11. Starodubtsev E. Yu., Ermolaev A. N. Evolyutsiya podkhodov k izucheniyu evakuatsii naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v otechestvennoi istoriografii // SibSkript. 2024. T. 26. № 3. S. 429–440. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-429-440.

12. Adler E. R. Surviving in the Soviet Union // The Cambridge History of the Holocaust / ed. M. Kaplan, N. Aleksiun. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 249–264. DOI: 10.1017/9781108900447.018.

13. Potemkina M. N. Organizatsionnyi opyt evakuatsii promyshlennykh predpriyatii v 1941–1942 gg.: problemy i rezul'taty // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2025. № 1 (86). S. 62–70. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-62-70.

14. Linets S. I. Interaction of Local Authorities and the Population of the Stavropol Territory in Providing Assistance to Citizens Evacuated to the Territory in 1941–1942: Problems and Ways to Solve Them // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2025. Vol. 30. No. 5. P. 118–127. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.5.9.

15. Churikov A. V. Reevakuatsiya promyshlennykh kadrov na Yuzhnom Urale (1945–1948) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. 2025. T. 35. № 3. S. 541–548. DOI: 10.35634/2412-9534-2025-35-3-541-548.

16. Tashkhudjaev M. V. The Children and Children's Homes Evacuated to Andijan, Namangan and Fergana Regions During World War Two // Texas Journal of Multidisciplinary Studies. 2024. Vol. 36. P. 1–4. DOI: 10.62480/tjms.2024.vol36.5509.pp1-4.

17. Oblomuradov N. K. Evacuation Processes in Uzbekistan During the Second World War: Historical Experience, Social Adaptation, and Humanitarian Factors // Sciental Journal of Education Humanities and Social Sciences. 2026. Vol. 4. No. 6. P. 5–15. DOI: 10.62536/sjehss.2026.v4.i6.pp5-15.

Статья поступила в редакцию 04.08.2026; одобрена после рецензирования 01.09.2026; принята к публикации 09.10.2026.

The article was submitted 04.08.2026; approved after peer review 01.09.2026; accepted for publication 09.10.2026.